

БАЛЛАДЫ О СОЛДАТАХ

Владимир САМОЙЛОВ:

Воевал я, как все, честно...

О ВОЙНЕ можно много говорить. И о ее ужасах, и о героизме однополчан, и о страхе, который на войне не покидает человека. Я не очень верю тем, кто бахвалился своим бесстрашием на фронте. На войне страшно. Правде, иногда об этом забываешь. Почему? Как раз про это моя история, хотя случилась она не со мной и не на фронте. Произошло это с самым близким и дорогим для меня человеком — с моей женой. В самом начале войны.

Тогда мы еще не были даже знакомы, хотя родились и выросли в одном городе — нашей прекрасной и солнечной Одессе. Она в одном его конце — на Молдаванке, а в другом — в районе с нежным названием Отрада. Наша дворовая мальчишеская компания раннее утро 22 июня провела на море. Понятно, что сообщение о том, что фашистская Германия объявила нам войну, прошло мимо нас. Узнали мы об этом, только когда вернулись домой. И еще о том, что город бомбили. Бомба разрушила дом в Новом переулке. Вот это было для нас событием. А война пока еще оставалась сравнительно абстрактным понятием.

Регулярные бомбежки начались спустя месяц. Вот тогда мы стали понимать, что такое настоящая война. Повсюду во дворах рыли траншеи. И у нас тоже. Там мы прятались от налетов. А чтобы было не так страшно, принесли в траншею патефон и любимую пластинку с песнями Козина.

В это же самое время на другом конце города выпускников и старших школьников собрали и повели рыть окопы на подступах к Одессе. Ехали на станцию Раздельная целую ночь, хотя она находилась в километрах шестидесяти. Рано утром начался страшнейший налет. И ребята попали прямо-таки в ад. Одна бомба угодила в эшелон. Все бросились врассыпную. И моя будущая жена тоже побежала, сама не зная куда. Она долго бежала по выгоревшей степи, пока вдруг не наткнулась на загнанную и брошенную кем-то лошадь.

Лошадь была еще и ранена — из уха у нее сочилась кровь, она еле держалась на ногах и, опустив голову, упорно смотрела на что-то лежащее на земле. Девушка приблизилась и поняла, что лошадь устала на валяющуюся в пыли арбузную корку, не в силах до нее дотянуться. Девушка тоже была голодная и поэтому с жадностью схватила огрызок. Потом подняла голову и увидела, что по изможденной морде животного текли слезы. И тогда она разломала корку, сунула лошади половину, сама, опустившись на пыльную дорогу, стала есть другую. Вот так они вдвоем и ели. Потом девушка встала и поняла, что страх, ослеплявший ее, исчез, рассеялся, появились даже уверенность и покой...

Об этой истории я узнал, когда уже кончилась война. Помню, приехал домой и после встречи с мамой мое первое желание, конечно, было побегать на Дерибасовскую. Посмотреть, погулять, встретить тех, кто вернулся с фронта. К слову, из нашей дворовой компании человек в сорок в живых остался только трое. Возраст был такой. Я сам пошел на фронт в сорок четвертом, так и не окончив школы...

В тот день я и познакомился на Дерибасовской со своей будущей женой, и с тех пор мы с ней всегда вместе. Ведь благодаря ей я и актером стал. Она тогда уже училась в театральном и уговорила меня попробовать поступить к ним. Я вспомнил кое-что из школьной программы и из того, что приходилось читать в еврейской самодеятельности. В общем, меня приняли сразу на второй курс. Так что Государственное одесское театральное училище закончили вместе и поженились. Вот тогда-то она и рассказала мне свою историю, которая стала для меня своеобразным символом войны.

Конечно, на фронте были и более яркие примеры мужества и силы человеческого духа. Но одним рассказом здесь не обойтись. А если вспоминать подробно, то надо книгу писать. А стоит ли? Воевал я, как все, честно, но никаких особо героических поступков не совершал, был минометчиком. Войну закончил в Бресте. Интересно, что второй раз я оказался в тех местах ровно через двадцать пять лет со съёмочной группой фильма «Брат», в котором играл Борис Савинков. Сразу же, как приехал, бросил вещи и побежал не к кладбищу, где в братской могиле мы оставили многих наших ребят. И увидел: все заброшено, поросло бурьяном. С трудом отыскал наших. Вот так...

С однополчанами встречаюсь редко, живут они в основном в Одессе — да и сколько их осталось. Из нашего батальона уцелели человек двенадцать. Со многими накануне сражений даже толком познакомиться не успел. Но помню всех и каждого, кто не пришел с войны, помню...

Владимир ГУЛЯЕВ:

В небесах мы летали одних...

КАЖДЫЙ год в День Победы я встречаюсь со своими друзьями-фронтовиками. Их у меня в Москве только пятеро. И мы, конечно, вспоминаем тех, кому не суждено было дожить до великого победного дня. Впрочем, мы помним их всегда. В память о них мы салютовали из всех пушек и пулеметов наших «штурмовиков» 9 мая 1945 года над Шяуляйским аэродромом. А 24 июня представляли, как они вместе с нами гордо маршируют по брусчатке Красной площади на Параде Победы. Они навсегда в памяти и в сердце.

Воевать я начал в 1943-м, после окончания летной школы, куда, к слову сказать, попал по «протекции» отца. Он у меня был крупный партийный работник, профессор, в первый же день войны пошел добровольцем, был назначен комиссаром дивизии народного ополчения. Мы с ним трижды писали рапорт Ворошилову, чтобы мне, семнадцатилетнему, разрешили пойти в летное. И добились-таки.

Перед тем как отправиться в 335-ю Витебскую штурмовую авиационную дивизию, мы целую неделю провели на сборном пункте летно-технического состава. Вот здесь я и познакомился с Костей Шуравиним. Хорошего человека вычислить несложно, а во время войны еще проще. Словом, мы с Костей стали настоящими друзьями и попросили нас отправить в одну часть. Так и получилось.

Есть воспоминания, острота которых не ослабевает с годами. Они возвращают нас вновь и вновь. 23 июня 1944 года на рассвете мы стали участниками грандиозного наступления в Белоруссии, названного операцией «Багратион». На задание улетали и возвращались наши «силы», а я сидел в землянке — накануне вернулся из госпиталя после малярии и еще не был допущен к полетам. Но все-таки упрямил командира эскадрильи капитана Попова взять и меня на боевое задание.

Мы пошли с ним в паре штурмовать отступающие фашистские колонны по дороге Витебск—Вешенковичи. Перелетели линию фронта и направились на цель. Вокруг все было затянато дымом — фашисты, отступая, поджигали все подряд. Через некоторое время дым пожарки остался позади, а вдали блеснула полоска рельсов — дорога на Полоцк. Южнее — грунтовая дорога, и где-то там наша цель. Тут я заметил, что станция Оболь забита вагонами — цель пять часов. Доложил ведущему. Капитан Попов, не раздумывая, стал разворачиваться.

Молчавшие до этого фашистские зенитки открыли бешеный огонь. Командир перевел машину в пике. Я последовал за ним. И тут случилось непонятное: самолет ведущего свечой взмыл вверх, перевернулся и стал падать. Болью в сердце отдалась страшная мысль: «Капитана сблизил». Станция была уже рядом. Эшелоны могли уйти, и я открыл прицельный огонь, потом сбросил четыре стоклограммовые бомбы. Вблизи все пошло прощало. Зенитки били, не переставая.

Вешено кидая свой «сил» в разные стороны, я пытался уйти. Уже на аэродроме доложил о гибели командира и результатах штурма эшелонов. Командование не

● На фотографиях: В. Самойлов, В. Гуляев, Е. Весник, П. Тодоровский. Год 1945.

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

Был месяц май

БЫЛ МАИ. Была весенняя трава, Светило солнце. За Эльбой играла трехрядка. Сережа Иванов лежал в траве и храпел. Рано утром комдив объявил о конце войны. Он стоял на полуторке. У него текли безмолвные слезы.

Нас было три боевых друга. Сережа Иванов. Сейчас он пенсионер. Работал в Госплане. Я и Юра Никитин. Юра погиб. Он был детдомовец, не знал своих родителей. Закончил Саратовское военно-пехотное училище. Среди нас он был самый одаренный, самый красивый, очень музыкальный. Восемнадцатилетний лейтенант. Очень хотел жить. Стрел планы. А ушел и не оставил после себя ничего. Его назначили командиром взвода противотанковых ружей. С такой должностью он мог находиться при командире батальона и не рыпаться. А он пошел проверять, как там ребята. Перебегал из окопа в окоп. И его сразила пуля. Это было в марте 1945 года.

В память о нем я сделал свой первый фильм «Верность». Картина не о нем. Она о нашем поколении. Но в главном герое я старался передать какие-то черты его характера. Его играл студент Ленинградского института театра, музыки и ки-

но Володя Четверяков. Сценарий написали вместе с Булатом Окуджавой, тоже участником войны. Это была его первая работа в кино.

В нынешней войне в Персидском заливе американцы потеряли около ста человек. Мы в Великую Отечественную — 28 миллионов. Об этой войне надо серьезно думать. Были огромные просчеты в командовании, в стратегии. Так много людей положили! Я видел горы расстрелянных немцами солдат. Молодых. Они так и не узнали ни жизни, ни любви. Возможно, у них бы родились гениальные дети, новые Пушкины и Мусоргские. Не поэтому ли и нарушена сейчас экология и потеряна нравственность, о которой мы так много говорим.

Для моего поколения День Победы — праздник великий. Как бы ни была ужасна война, все плохое забывается. Остаются ощущение молодости. Никогда никому ни в чем не завидовал. А вот молодости завидую. Нашей собственной молодости. Мы были наивными, многое не понимали в том, что происходило вокруг. Но мне кажется, мы были чище, чем нынешнее поколение. Я сейчас буду брызгать, как старик. Нынешняя молодежь слишком деловая. Ради даже малой выгоды она идет на все, что угодно, не задумываясь, перешагивает нравственные барьеры.

Недавно я написал сценарий «Оглушенный тишиной». О том времени, о весне 1945 года. Из сегодняшнего дня меня снова потянуло к моим боевым товарищам.захотел вернуться к ним хоть на бумажке. Не уверен, что буду снимать фильм. О том времени много снято. Если найду что-то свежее, пересекающееся с сегодняшним днем, — тогда буду снимать.

...Рано утром комдив объявил о конце войны. У него текли безмолвные слезы. А мы даже не очень понимали, как нам повезло. Мы остались в живых. Светило солнце. Мы были молоды. Мы хотели любить.

очень-то мне поверило, правда, прилетевшие следом ребята подтвердили все. Но на душе было очень тяжело.

С тех пор стала преследовать мысль, что в какой-то степени и я был виноват в гибели Попова. Возможно, если бы не я, то он сам бы не заметил эти эшелоны. Костя Шуравин был со мной рядом. Истинный друг, он понимал мое состояние и старался облегчить его. Огорчало меня очень и то, что начальство считало: Попов зря пошел на Оболь.

Как же так! Ведь уничтожено огромное количество техники, горячего, боеприпасов, которые уже не обрушатся на наших солдат, значит, спасены сотни жизней! Вот и получается, что капитан Попов погиб не зря!

А спустя немногим более трех недель погиб и Костя. Случилось все тоже на моих глазах. 18 июля мы атаковали танковую колонну. Только я довернул самолет и стал прицеливаться, как вдруг услышал в наушниках голос: «Прощайте, ребята! За Родину!» Тут я увидел, что правее и чуть выше меня пикировал горящий «ил». Не падал, а именно пикировал, направив свой нос на вражескую технику.

И так, стреляя до последней секунды, он, как огромный снаряд, врезался в фашистские танки. В наушниках и услышал: «Ребята, за Костю Шуравина по фашистским гадам огонь!». Внутри словно что-то оборвалось, будто частица сердца осталась там, где он погиб.

Не знаю, что думал Костя в последние секунды своей жизни. Не знаю, что вспоминал перед смертью капитан Попов. И никогда уже не узнаю. И никогда уже — до конца своих дней — этих людей не забуду.

Евгений ВЕСНИК:

В двадцать лет я влюбился в свой народ

В ОТ УЖЕ последние три года мы, фронтовики, собираясь своей узкой компанией, плачем. Воевали за рай, а рай — нет.

Стыдно за страну и стыдно за народ. Во время войны мы, тогда совсем молодые люди, влюблись в наш народ, испытали такое чувство, которого не знает нынешняя молодежь. Мы были объединены очень большими, высокими идеями и задачами. А когда такое есть, люди не замечают, кто сколько ест колбасы, кто в каких штанах ходит.

Почему до сих пор дружат фронтовики? Да потому, что в течение нескольких лет они находились в равноопасных условиях, и пуля не выбирала, кто — генерал, а кто — рядовой.

А сейчас каждый устраивается, как может. И те, кто устроился получше, выбыли в начальники, от всего защищены и печальями «рядовых» не интересуются.

Я имею право говорить это, потому что мой отец — Яков Весник был крупным партийным работником, комиссаром трех армий во время гражданской войны. В 1938-м его расстреляли. Он был в ряду таких людей, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Орджоникидзе, Куйбышев. Из тех, кому не надо было демонстрировать ни принадлежности к высоким идеям (я не говорю сейчас о том, правильные они или нет), ни убежденности, ни скромности — у них это просто было. А сейчас «большие начальники» сделали то, что не удалось Гитлеру, — поставили нашу страну на колени. Вот поэтому мы, фронтовики, когда собираемся, — плачем.

А на войне я звал людей замечательных. И чаще всего вспоминаю двух моих командиров. Полковник Сергей Петрович Гудюк — командир 1-й гвардейской артиллерийской дивизии резерва Главного командования — заставил меня научиться смотреть мое представление о военных. Я встретил глубоко интеллигентного, умнейшего, начитанного и совершенно бесстрашного человека.

Однажды он вызвал меня к себе и спросил: «Ты — сын Якова Весника? То же, что был в 11-й армии комиссаром, а потом в Воронежке с Тухачевским?» Я ответил: «Да». Он посмотрел папку с моим личным делом, вынул лист с автобиографией, порвал его и велел все переписать, не указывая, что отца арестовали в 1937-м, а маму сослали.

Я написал: отец умер, мать проживает у родственников в Казахстане. Мой командир сказал: «Упаси тебя Бог говорить кому-нибудь, что твой отец был арестован. Хорошо, что я взял твое дело, а не «тройка»... И назначил меня к себе адъютантом. А в артиллерии это очень ответственная должность. Ну как можно было подвести такого человека или забыть его?»

В 5-й гвардейской дивизии я попал к полковнику Александру Федоровичу Синицыну. Это был человек внешне, может быть, грубоватый, но редкой внутренней интеллигентности и даже чуть-чуть сентиментальный. А главное, что он мне подарил, — это ощущение глубочайшей порядочности. В молодости Синицын успел послужить в царской армии, и старая закваска чувствовалась. К нам он обращался не иначе, как «господа офицеры...». Вообразите себе — это в те-то времена.

Удивительно — но он тоже знал моего отца и спросил меня: «Что у тебя написано в личном деле?» Я рассказал, как полковник Гудюк велел мне переписать автобиографию. «Молодец», — сказал Синицын, — если бы не он, я бы это сделал... Дух моих командиров я просто боготворю. И счастье — на всю жизнь, — что с этими чистейшими людьми свела меня военная судьба.

Остался в моей памяти и солдат Валя Кузнецов — «беломорканальник», осужденный на десять лет. Не знаю, почему он попал к нам, а не в штрафную. Но у меня он был командиром тяги. Наши пушки передвигались с помощью специальных американских тракторов. Он заведовал механиками и водителями. Однажды мы никак не могли провести свои орудия через открытое пространство — оно простреливалось немецким пулеметчиком. И вот подошел ко мне «беломорканальник» Валя и говорит на блатном жаргоне: «Слушай, пахан...» А надо заметить, что я был тогда во взводе самых молодых — 21 год. Попал со второго курса Щепкинское училища в Смоленское артиллерийское, а оттуда — на фронт. Так вот Валя и говорит: «Слушай, пахан. Я заткну глотку этому арьергарду. Но дай мне клятву, что ты меня представишь к ордену Славы. Пиши расписку». Я написал ему расписку. Через сорок минут он принес голову пулеметчика и затвор пулемета. Страшно, но это правда. Валю представили к ордену, но он его не успел получить — «убили».

В 1945-м в Восточной Пруссии я прошел тот же путь, что и мой отец в 1914 году. Форсировал Неман и дальше — через Гольдап, Бакенфельд, Фишгаузен, Пилау, Кенигсберг. На подступах к Гольдапду нам необходимо было узнать расположение немецкой танковой дивизии. Нужен был «язык». И как-то, следуя на «виллисе» к наблюдательному пункту, я заметил, что с подбитого немецкого самолета на парашюте спускается летчик. Остальное было делом техники. Молодой рыжеватый немец через несколько минут сидел со мной в «виллисе». Я объяснил: при хорошем поведении ему будет сохранена жизнь. Он спокойно посмотрел мне в глаза и вдруг засмеялся какую-то мелодию. Врагов тоже надо оценивать по достоинству. Нелюбим...

В 20 лет нам нравилось воевать. Мы ощущали себя осободителями, рыцарями — что-то вроде Айвенго. Мы верили, что придет прекрасное завтра. Пусть даже без нас. Но за это мы воевали. Вот недавно в Криворожском русском театре драмы и музыкальной комедии я поставил спектакль «Чистка» по пьесе В. Козака. В ней рассказывается о нашей семье — об отце, маме, о тех временах и судьбах. И это тоже разговор о фронтовиках, и я воевал и ради этого тоже.

В 20 лет я влюбился в людей, в свой народ. А сейчас трагедия заключается в том, что я разочаровался. Кто виноват в том, что сейчас творится в стране? По-моему, не Иванов и не Петров, не коммунисты и не демократы. Виноваты мы, виноват народ. Он выиграл такую войну, он нашел в себе мужество идти вперед, жертвовать и добиваться своей цели. А сейчас в народе ни мужества нет, ни желания поднять свою Родину с коленей. Вот поэтому мы, фронтовики, плачем.

Материалы номера, посвященные Дню Победы, готовили Н. БАТАЕН, А. ДОНСКОЙ, И. МОРСУНОВА, Н. БАСИНА, Е. УВАРОВА.

Экран и сцена —